

Институт славяноведения
Российской академии наук

**Исследования
по славянской диалектологии**

25

Москва • 2025

**УДК 811.16
ББК 81.41
и 88**

Авторы:

*Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот, С. В. Дьяченко, Д. Н. Гальцова,
А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, С. В. Князев, А. Б. Коконова, И. А. Марченко,
А. В. Малышева, Н. И. Муравлева, С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Р. М. Ронько,
М. Н. Саенко, Сладжана М. Цукут, Т. В. Шалаева*

Редакция:

д.ф.н. *А. Ф. Журавлёв* (отв. редактор серии),
к.ф.н. *Д. Ю. Ващенко, М. Н. Толстая* (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. *М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. *Е. В. Колесникова*, к.ф.н. *М. В. Ясинская*

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. – 456 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 25) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXV Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 4–5 июня 2024 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 4–5th, 2025 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

**ISBN 978-5-7576-0529-6
ISSN 2618-8589**

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

Содержание

<i>C. Л. Николаев.</i> К акцентуации праславянских <i>o</i> - и <i>u</i> -основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах	5
<i>Сладжсана М. Цукут.</i> Статус переноса ударения на проклитики в северо-западных сербских говорах	149
<i>C. В. Князев.</i> Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон	178
<i>I. A. Букринская, O. E. Кармакова.</i> Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие	207
<i>I. A. Марченко, P. B. Ронько.</i> Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования	236
<i>A. B. Малышева.</i> Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья	260
<i>M. H. Толстая.</i> Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая	282
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном русско-сербохорватском лексическом соответствии с корнем <i>хор-</i>	302
<i>H. Е. Ананьева.</i> Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами	305
<i>T. B. Шалаева.</i> Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)	316
<i>A. B. Коконова.</i> Лексема <i>КИРПИЧ</i> и производные от нее в северорусских говорах	326
<i>D. H. Гальцова.</i> Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах	334
<i>A. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 14. СРНГ, <i>C</i>	345
<i>A. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 15. СРНГ, <i>T</i>	372

<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко.</i> Украинские тексты из села Юдино Воронежской области (по данным экспедиции 2024 г.)	407
<i>Н. И. Муравлева.</i> Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево	426
<i>Г. П. Пилипенко.</i> Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)	442

А. Ф. Журавлëв
(Москва)

Лексикографические фантомы 15. СРНГ, Т

Предлагаемые заметки о сомнительных, с точки зрения автора, формах и формальных и содержательных оплошностях в Словаре русских народных говоров являются продолжением предыдущих публикаций на ту же тему, где оговорён характер наблюдений и выдвигаемых прочтений [Журавлëв 1995–2023].

Ключевые слова: Словарь русских народных говоров, диалектная лексикография, гапакс

Предлагаемые заметки касаются неверных или вызывающих сомнение заголовочных форм (большей частью гапаксов) в сводном диалектном словаре русского языка и являются продолжением предыдущих публикаций на ту же тему, где оговорён характер наблюдений и выдвигаемых прочтений (см. [Журавлëв 1995–2023]). Кроме названных формальных моментов, замечания могут касаться содержательной стороны привлекаемого материала и его словарного анализа, а также уязвимых сторон применяемой в словаре собственно лексикографической техники.

* * *

1. Табák (...). 1. Легчайший табак. Сорт табака для курения [какой?]. *Легчайший табак — курить хорошо, навродь как папиросы* (...) [СРНГ 43: 197].

Очень сомнительно, что в записанной реплике сочетание *легчайший табак* представляет собою коммерческое именование продукта, как к тому подталкивает толкование («сорт... какой?»), а не просто оценочное суждение.

1. Табák (...). 8. Прозвище. (...) [СРНГ 43: 198].

Составители словаря технически не разграничивают лексическое значение, с одной стороны, и принадлежность описываемой языковой едини-

ницы тому или иному классу именований, с другой (заголовочное слово не несёт значение ‘прозвище’, а принадлежит разряду прозвищ как разновидности собственных имён). Ошибка вытекает из нечёткости оформительских приёмов в комментируемом лексиконе, заданных с самого его начала, и обнаруживается в издании с жесткой регулярностью (о чём уже не раз говорилось). Для академической лексикографии такое смешение объектов (категориальной и собственно содержательной сторон языкового знака) нельзя признать допустимым. Между тем устранить указанный недостаток не представляется сколько-нибудь трудной задачей: вместо графической формулы вроде «*м.* и *ж.* Прозвище.» можно применить запись «*м.* и *ж.*; прозвище.», переключив тем самым последнее в ней слово из зоны толкования в зону рубрикационных помет (набираемых назначенным для них курсивом). Для нередко встречающихся развёрнутых конструкций вроде «прозвище жителей Заонежья» или «кличка казаков Аннинской станицы», совмещающих собственно значение знака и его проприальную квалификацию, можно использовать ту же толковательную технику, но снабдив термин «прозвище» определением «коллективное» («общее», «корпоративное»…): «**Толокнянники, мн., коллективное прозвище**. Жители Каргопольского уезда Олонецкой губернии» (предложно-падежная конструкция «О жителях…» и под., часто используемая в толковательной зоне, менее корректна, поскольку предлог *о(б)* также принадлежит метаязыку описания). Далее в анализируемом выпуске (как и в предыдущих и следующих) псевдотолкованием «прозвище» сопровождены заголовки нескольких десятков статей (**2. Табакерка..., Тaborь, Таврежаны, Тавруй** и т. д.), указывать здесь на них каждый раз отдельно было бы чрезмерностью, и я ограничусь лишь настоящим замечанием.

Табáка, жс. 1. Табак. (...) [СРНГ 43: 198].

Формы женского рода, якобы почерпнутой из словаря Даля, в упомянутом источнике нет. В качестве таковой осмыслена приведённая в [Даль₃ IV: 706] форма винительного падежа множественного числа *табáки* (определение грамматического рода затруднительно) в рифмованном бранном речении раскольников «*Ктонюхает табаки, тот хуже собаки*». (Форма женского рода *табáка* в восточнославянских языках, тем не менее, реальна и своим существованием обязана польскому влиянию: *tabaka* ‘нюхательный табак’, диал. *tobaka*, см. [Karłowicz V: 406; Warsz. VII: 72]).

Тавáлженый (...). Таволжаный. (...) [СРНГ 43: 208].

Форма в иллюстрации (былинный текст) отлична от заголовочной: *Они секли как по жребию таволженому*. Чему верить? Двумя страницами спустя есть статья **Тавóлженый** (с примером: *Мы сделаем жребьи таволжены*).

2. Тáвочка (...). Маленькая собачка. *Маленькая тавочка до веку щеночек*. Бобр. Ворон., 1848 [СРНГ 43: 210].

Надо полагать, прочтение ручной записи ошибочно; нужно: *шавочка*. Смешение рукописных строчных букв **м** и **и** — по моим оценкам, самый частый из сбоев восприятия, преследующих диалектную лексикографию, СРНГ в частности¹.

Таврéный (...). Имеющий шрам. (...) Забайкалье, 1980 [СРНГ 43: 211].

Заголовочная форма, скопированная из словаря Л. Е. Элиасова, недостаточно надёжна; органичнее всё же *таврённый*.

Тáетница, жс. Молодая, ни разу не телившаяся корова. *Нетель, таётница, годовушка телится*. Максин. Волог., 1938 [СРНГ 43: 216].

Фонетическое сходство с коми *тайтö* подзыв коровы, также ‘бурёнка’, ввиду отдалённости регистрации от коми территорий, вероятно, случайно. Не увидеть ли здесь привычного смешения рукописных строчных букв **м** и **и** — *таэмница (ср. очень далёкое территориально, у казаков

¹ О взаимной мене литер **м** и **и** в заголовках статей СРНГ и текстуальных иллюстрациях, которая принадлежит к самым частым сбоям в прочтении рукописных источников, говорилось не раз (см. предыдущие публикации настоящей серии, критические наблюдения А. Е. Аникина, А. Б. Страхова и др.). Но из-за рассыпанности примеров по разным местам кажется нeliшним показать эту устойчивую мену сводным списком, пусть окороченным: о ш и б о ч н ы е написания *ветно*, *вырутить*, *дотлый*, *кукта*, *мохнытка*, *набалмать*, *окаятка*, *плитка*, *побывотки*, *поголётки*, *потава*, *потавни*, *разлукутка*, *ручутка*, *стаметник*, *верешёна*, *заболоиний*, *кочешок*, *кулушук*, *навишини*, *отпешишь*, *перешишье*, *пошка*, *разоикрешишь*, *разноцвешика*, *разушкой*, *росциемаха*, *тигун* и др. вместо правильных форм — соответственно — *вешно*, *вырушить*, *дошлый*, *кукиша*, *мохнышка*, *набалмашь*, *окаяшка*, *плишка*, *побывашки*, *поголёшки*, *пошава*, *пошевни*, *разлукушка*, *ручушка*, *станишиник*, *веретёна*, *заболотный*, *кочеток*, *култук*, *навитиц* (*навитенъ*), *отпетить*, *перетишие*, *потка*, *раздекретить*, *разноцветка*, *разуткой*, *ростомаха*, *тугун* и др. В настоящей статье ниже к этим примерам на смешение **м** и **и** добавлено ещё несколько. Положение с чтением источников составителями СРНГ не выглядит благополучным.

Прииссыккулья, но семантически близкое *táim* ‘годовалый жеребёнок’ [СРНГ 43: 218]) или, может быть, *маетница, ср. *маяться* ‘бездельничать’? Однако синтаксическое построение, пунктуация, а вслед за ними и целостное содержание цитированного высказывания остаются затемнёнными; последняя двусловная фраза может быть понята как ‘корова по второму году, пора уже выбираться из нетелей’.

Таквáч, м. Тыква. Дон., 1929 [СРНГ 43: 227].

Вокализм корня несколько сомнителен: ср. *тыквáч* ‘тыква’ (Дон., 1929 — [СРНГ 45: 320]). Обе формы взяты из лексикона [Миртов: 319, 330], но другими источниками, прежде всего внимательным к деталям словарём [Борисова 2004–2005], форма *таквач* не подтверждена. Возможно, она отражает сильную редукцию [ы] > [ъ] в предударном слоге, свойственную идиолектной манере.

Тали́скать (...). Мять. Шадр. Перм., 1895 [СРНГ 43: 245].

Единичное свидетельство против нескольких десятков разноместных запечатлений формы *тили́скать(ся)* [СРНГ 44: 122]. Возможно, ошибочное прочтение небрежного рукописного начертания.

Тальгá, жс. Клеймо. Арх., 1850 [СРНГ 43: 250].

Могут ли быть сомнения в том, что заголовочная форма — результат девиантного чтения слова *тамга*?

Тарáнт, м. Ядовитый жук, тарантул. (...) [СРНГ 43: 277].

Можно осторожно предположить, что своё дело сделали неразборчивый почерк картотечного регистратора или составителя статьи и недостаточная для нужного прочтения осведомлённость машинистки в зоологических классификациях: графическая форма *паук* воспринята как жук.

Тарбагýн, м. Сурок [?]. (...) [СРНГ 43: 285].

Возможно, опечатка или неверное прочтение ручной записи. Привычнее *тарбагán*. Сомнение самого составителя статьи, выраженное вопросительным знаком, касается лишь значения слова, но не его формального облика.

Тарсхáн, м. Таракан. В старом доме было много тарсханов. Яросл. Яросл., 1990 [СРНГ 43: 285].

Заголовочная форма крайне маловероятна. Ошибочное прочтение *-ак-* → *-cx-*?

Таскать (...) [СРНГ 43: 297–298].

Размещённое в конце статьи «фразеологическое сочетание» **Зубы таскать** ‘зубоскалить, смеяться’ вызывает сомнение в силу алогичности его внутренней формы. Оно сопровождено текстуальной иллюстрацией (*Начнем робить, — нечего зубы таскать*, за которой, однако, может скрываться более органичная конструкция **нечего зубы-то скалить* с вполне представимой сильной редукцией последнего (послеударного) слога в последнем слове (: [скá^нт']).

Тасля, м. Сорт винограда. *Тасля белый*. Южн. [?], Слов. карт. ИРЯЗ. [СРНГ 43: 301].

Несомненно, имеется в виду виноградный сорт *шасла* (название которого заимствовано из французского — *chasselas* — и, по моим наблюдениям, сильно страдает в приспособительной фонетической обкатке, включая и акцентологический момент). Комментируемая форма обязана смешению рукописных *и* и *и* в мало знакомой составителям словаря лексике. Мужской род слова в приведённой иллюстрации не должен смущать: эта сторона записи может быть объяснена цитированием номенклатурного текста (что оправдывает и постпозицию прилагательного, характерную для двусловных номенов). Плохая освоенность слова *шасла*, кроме колеблющихся фонетики и акцентовки (ср. нередкое *шишлá*; слышалось и *шáшла*), оказывается в неустойчивости его парадигматических форм и грамматического рода определяющих его прилагательных: в пределах одного текста и едва ли не абзаца могут встречаться конструкции «плоды *Шасла Белой*» и «разновидность *Шаслы*» (например: <http://lozavrn.ru/index.php?topic=286.0>).

Та-та, звукоподр., междом. (...) *A та-ти, та-ти, та-та, Поймал девишка кота* (частушка). (...) [СРНГ 43: 302].

Та-ти, звукоподр., междом. (...) (с тем же текстуальным примером). [СРНГ 43: 309].

Уклонение от проставления акцента в вокабулах не заслуживает оправдания ввиду прозрачной ритмичности иллюстрирующего текста с рифмой. Мелочь; однако для академического словарного издания нежелательная.

Татárка (...) [СРНГ 43: 304–305].

В п. 5 опечатка: «мезовым» вместо «меховым».

В п. 18 ошибка или опечатка: «тарник» вместо «татарник».

Мелочи; однако для академического словарного издания нежелательные.

Тать, м. (мн. тáти и тáтьи). Злодей, вор, грабитель, мошенник, плут. (...) [СРНГ 43: 311].

Формальные, в частности акцентологические (в парадигматических формах множественного числа), сведения о слове неполны. В текстуальных иллюстрациях, сопровождающих статью, встречается поговорка из коллекции Даля, в которой слово *тать*, кажется, уклоняется от акцентного рисунка, рекомендованного ему, например, Грамматическим словарём [Зализняк: 679]: «мо 2а» — то есть с постоянным ударением на корневом слоге в косвенных падежах: *Ладан на чертей, тюрьма на татей* (отказаться увидеть в поговорочном тексте рифму довольно трудно, хотя его ритмическое построение это допускает). От словесной живописи в забайкальском словаре [Элиасов], к которому прибегли составителя СРНГ для демонстрации семантики собирательности у слова *тать*, сдвинутого в парадигму женского рода, за версту несёт неталантливой фальсификацией (*До последних сил будем бороться с татью; ...откуда только столько тати расплодилось*), как и вообще от всех элиасовских «речевых картинок», кроме разве что песенных цитат.

Таушкáн, м. Заяц. Тобол., 1897 [СРНГ 43: 313].

Ввиду диал. *ушкáн* ‘заяц’ (около четырёх десятков регистраций) и восьми суффиксальных производных от него (см. в [СРНГ 49: 12–13])² можно осторожно предположить, что заголовочная форма представляет собою результат паразитического слияния в записи лексемы *ушкан* с обрывком предшествующего слова или какою-то теперь уже не восстановимой местоименной формой. Однако фонетическая близость обсуждаемой формы к основе *тушкáн*(-) может подвигать к иным истолкованиям, которые, впрочем, затрудняются необходимостью выяснить причины вокалического усложнения — едва ли не дифтонгизации! — начального слога (*у : ау*). (А. Е. Аникин предполагает, что форма *ушкан* может быть

² СРНГ представляет слово *ушкáн* ‘заяц’ почти исключительно северновеликорусским и Зауральским, тогда как оно известно и вдали от этих территорий, например, на крайнем юго-западе — в брянских говорах, см. [Брянский словарь: 335].

народноэтимологическим преобразованием *тушкан* в связи со словом *ухо*; см. [Аникин 2000: 598].) Как бы то ни было, затемнённость случая вынуждает отметить его в настоящем обзоре.

Ташки, мн. Цыплята. Бурмакин. Яросл., 1990 [СРНГ 43: 317].

По-видимому, это слово *пташки* в вялой (и даже не очень вялой!) артикуляции. После паузы, какой бы короткой она ни была, в этом слове начальное тесное слияние смычных [п̄т] перед гласным может практически терять билабиальный элемент (он поглощается в неслышном размыкании губ). Вряд ли обсуждаемая форма лексикализована, чем единственно и можно было бы оправдывать отдельный её *словарный* показ. Аналогичные замечания нужно сделать относительно статей **Тица**, **2. Тичка**, **Тушанёнок** комментируемого лексикона. Но уже формы *тишка* ‘маленькая птичка, пичужка’, ‘курица’ («ласк.»), *тишенька* ‘курочка’, ‘цыплёнок’ [СРНГ 46: 50–51], имеющие ту же этимологическую базу, могут рассматриваться как результаты лексикализации, хотя это суждение основывается на малонадёжной интуиции: информанта, от которого услышана и записана та или иная из этих форм, не спросишь, ясна ли ему её этимология.

Тбыть (...). Своего разума не т буду. Своего разума не потеряю. (...) *А тым я глупа не буду. Своего разума не т буду!* Смол., Добровольский, 1891 [СРНГ 43: 317].

Если мы не сталкиваемся с фонетической мнимостью (просто плохо расслышанным словом, что, впрочем, маловероятно: в тексте ощущается несколько сбитый хореический ритм), то здесь присутствует глагольная форма, которая характеризуется элизией начального гласного, носящей собственно речевой характер и не приводящей к лексикализации заголовочной формы (что единственно оправдывало бы создание самой статьи). Подобные явления могут представлять интерес для описания идиолекта и даже узкого говора, если обнаруживаются в нём с некоторой регулярностью. Однако рассматриваемый случай интересен для диалектного словаря не фонетической стороной, а скорее семантическим устройством фразеологизма (*о)тбыть разум (не (о)тбыть разума*) ‘(не) утратить рассудок’ (непосредственно в таком облике в СРНГ не отмеченного, см. **Отбывать** [24: 125]).

Твёрденъкий (...). 1. О плотно сложенной ткани, платке и т. п. *У ей вом такой вом обломок там (в глазу). Я его вытащила твердоныким*

платком (...). 2. Скупой. *Тверденъкий парень, не в отца (...)* [СРНГ 43: 321].

(i) Составительский недосмотр: заголовочное прилагательное в первом и втором значениях иллюстрируется фонетически различными формами (*твердонык...* : *тверденък...*).

(ii) Заслуживает осуждения принятая в СРНГ манера в текстуальных примерах изгонять, укорачивая русский алфавит, букву ё — даже из тех записей, где её присутствие вызвано аккуратностью регистратора. Я думаю, что, имея дело с разнокачественными в этом отношении источниками (как печатные, так и рукописные словари, диалектологические материалы, фольклорные тексты и проч.), составителям СРНГ следовало принять за правило сохранять графику оригинальных записей: стремясь к единобразию, создатели словаря всё равно от него постоянно уклоняются, чему свидетельство как раз комментируемая статья. Ранее не раз было показано, что эта практикуемая в СРНГ унифицирующая манера приводит к двусмысленным прочтениям текстуальных иллюстраций и тем обедняет информативность диалектного словаря, назначенного, в отличие от нормативных лексиконов, не погашать, а как раз выявлять разницу. Печально, но приходится констатировать, что составители СРНГ с удивительной превратностью понимают задачи своего словаря и сущность своих профессиональных занятий.

Твершина, жс. [Знач.?] *Наша твершина беда какая (работать в поле на уборке хлеба)*. Твер. Твер. Чернышов [sic], 1910 [СРНГ 43: 325].

Есть ли сомнения в том, что неуволенное составителем статьи значение слова (*наша*) *твершина* вытекает из имени места, где оно записано («Твер. Твер.»): *«(мы,) тверяки’ (собират.)?

Творожина, жс. Бранное слово. Эх ты, *творожина!* Север, 1872 [СРНГ 43: 331].

(i) Выглядит чуть изменённым повторением статьи «**Тварожина**, жс. Бранное слово. Эх ты, *тварожина!* Олон., Барсов» из этого же выпуска СРНГ [43: 320]. Какая версия точнее?³

³ Интересно, что испорченную форму *тваргожына* (взятую из словаря [Куликовский: 118], где она прямо соотнесена с каргопольской формой Барсова) Фасмер ([IV: 31]) оставил без упоминания каких-либо её связей с другой лексикой и нашёл «тёмным словом». Слово *тваргожина* можно попытаться объяснить редким случаем па-

(ii) Приходится вновь заметить: составители словаря не разграничили лексическое значение и принадлежность описываемой языковой единицы к тому или иному классу именований: заголовочное слово не несёт значение ‘бранное слово’, а принадлежит разряду бранных слов как pragматической разновидности лексики. Выход технически прост: вместо «ж. Бранное слово.» следует «ж.; бранное слово.».

Тебенéк, м. 1. (...) 2. (...) [СРНГ 43: 333].

Заголовок ориентирован на буквенное отражение лексемы во втором издании словаря Даля ([Даль₂ 4: 395]), в фонетическом отношении двусмысленное. В бодуэновском издании — *тебенёкъ* (без избыточно пунктуальной простановки ударения) [Даль₃ 4: 737]; словарь [ССРЛЯ 15: 188], на который содержитя ссылка в комментируемой статье, форму *тебенёк* сопровождает аккуратным указанием парадигматической формы «(-)нъкá». Допущенной в СРНГ заголовочной неточности (а на самом деле навязываемого прочтения -[н'эк], с которым входят в противоречие текстуальные иллюстрации в пункте «2.»: *тебеньков*, *тебеньки*) вполне можно было избежать. Мелочь, конечно, но для академического лексикографического издания досадная.

Тей, тéя, тéé, мн. тéи, указат. местоим. Тот. (...) [СРНГ 43: 337].

Диалектологам хорошо известно, что парадигматика местоимений в говорах не собирается в единую и непротиворечивую систему. Составитель комментируемой статьи предложил диагностичный перечень форм толкуемого местоимения: три формы рода единственного числа (одна из которых с двумя акцентными вариантами) и форму множественного, все — в именительном, разумеется, падеже. Из них лишь две отражены в сопровождающих толкование текстуальных примерах — форма мужского рода единственного числа и форма множественного. Для прописанных форм *tēя и *tēe иллюстраций в распоряжении составителя не нашлось (поэтому здесь их — как гипотетические — приходится помечать астерисками; неакцентованная форма *tēe* в олонецком былинном тексте принадлежит винительному падежу, в принципе совпадающему с

разитического умножения этимологического *g* в словообразовательной конструкции **tvar-og-* + *-ina*. Ложноэтимологические ассоциации труднодоказуемы, но в осмысливение устройства бранного слова, внося помехи в его формальный облик, могли вплетаться связи с лексемами *твой*, *рожа*, может быть, (*не*)*гожий* и даже *варганить* (сего ощущимыми отрицательными коннотациями).

формой именительного, в призаголовочном списке форм, однако, не отражённого). Эти две не снабжённые примерами реконструкции мне представляются не невозможными вовсе, но очень сомнительными. Вопрос в том, стоило ли прибегать к парадигмальным гипотезам, если сведения названного свойства инструкциями к словарю (в вып. 1 и 28) не предписаны в сколько-нибудь требовательном ключе. Для сравнения: в 44-м выпуске СРНГ определительная часть словарной статьи, посвящённой синонимичному местоимению *той* («Тот, вот тот») и написанной другим автором, никаких сведений о парадигматических формах, кроме заголовочной, не даёт.

Телешёк и телёшек, мн. Теленок. (...) [СРНГ 44: 8].

Первая из помещённых в заголовок статьи форм материалом статьи не подтверждается. Вероятно, опечатка — вместо *телёшек*, одного из произносительных вариантов, показанных в основном тексте статьи.

Телий, мн. Телята. *Потом прибавили колхозу быков, телей.* Любыт. Новг., 1968 [СРНГ 44: 9].

Ещё один повод упрекнуть составителей комментируемого словаря в непродуманности назначенных правил — взятых в арсенал, но не оцениваемых далее на эффективность. К сопоставлению с данными обсуждаемой словарной статьи можно привлечь названия детёнышей свиньи: плуральная форма *поросыта* соотносится с сингулятивом *порося*, одна из иллюстраций в статье о котором содержит падежно-числовую форму *поросей* (см. [СРНГ 30: 80]). Последняя не акцентирована, как и форма *телей* в комментируемой статье. Интуиция толкает к мысли о реальности в них нафлексионного ударения: **поросéй*, **телéй*. Я не стану утверждать, что форма, ставшая заголовком статьи, нереальна, но её подтверждений в словаре не обнаруживается, и форма **тelí* скорее выглядит умозрительным составительским конструктом. В более широком плане упрёк составителям СРНГ состоит в том, что они часто не принимают во внимание возможность лакун в лексических парадигмах — не в ограниченном полевом материале, свидетельствующем записями, а вообще в языке.

Телосложение (...) [СРНГ 44: 13].

Странный аграмматизм реконструированного речения «На тело с-ло-же-ни-е (ь е) кто-л. баско», помещённого сразу же после статейного заголовка, текстуальным примером (*А ты, Люба, на тело, телосложение*

баско) не диктуется. Иллюстрация скорее представляет собою две фразы, первая из которых оборвана, не завершившись сказуемым: третьью запятую разумно было заменить многоточием.

1. Тень, ж. 1. В сочетаниях. За тнём сидеть. В тени сидеть. *Посидим за тнем. (...) Тень-потетέнь. См. потетéнь. (...)* [СРНГ 44: 41].

(i) Как парадигматическая форма *тнём* соотносится с родовой аттестацией «ж.»? Явная ошибка.

(ii) На чём основана уверенность составителя статьи, что форма в детских потешках (-)потетéнь этимологически связана с названием ‘тени’ (1.), а не звукоизобразительна по своей природе? Ср., например, *теньтень* ‘звон колокольчика’, по Далю, также *трень-брень, тринь-бринь*, а дальше, специально к затронутому слушаю на *по-*, фольклорные и псевдофольклорные *стук-постук, тресь-потресь, шлён-пошлиён*. Для «звукоподр. междом.» на той же странице выделена отдельная статья «**4. Тень, междом.**».

Тепложáт, м. Теплая одежда или обувь. Свердл., 1965 [СРНГ 44: 55].

Справка в издании [Словарь Среднего Урала VI : 92] не оставляет ни малейшего сомнения, что в виду имеется многократно встречающееся слово *тепломáт* ‘зимнее пальто, часто сильно расклешённое, на меху; то же, что *дипломат*’, семантика которого, однако, в разбираемом словаре обеднена (неопределенная «тёплая одежда») и зачем-то одновременно обогащена («или обувь»). Интересно, как самим составителем статьи осмыслена внутренняя форма слова, якобы возникшая из соединения идей «тёплый, тепло» и «жать, сжимать».

Терлéнье,ср. Терпение, выносливость. Соликам. Перм., 1898 [СРНГ 44: 76].

По-видимому, результат торопливой записи или неверного прочтения слова *терплéнье*, см. «**Терплéние, ье**» [СРНГ 44: 82]. Принятие за *л* буквы *n* (= [п']) без эпентезы) менее вероятно.

Тёт, ж. Тетушка, тетя. Орл., 1850. Вят. [СРНГ 44: 99].

Не отмечена более чем вероятная вокативная (а не собственно номинативная) природа формы. Вопрос теоретический: обладают ли звательные формы грамматическим родом («ж.»)? По-видимому, нет, поскольку род — категория согласовательная, вокатив же, даже если обликом совпа-

дает с номинативом, внесинтаксичен (сочетания вокативов с адъективами — *Милая тётя!*, *Дорогой дядя Петя!* — носят очевидно вторичный, контаминативный характер).

Тёта, жс. (мн. тёты). 1. Сестра отца или матери по отношению к племянникам, тетя. (...) 2. В обращении к незнакомой женщине. (...) [СРНГ 44: 99].

(i) (В продолжение придирок к лексикографической технике, применяемой в издании, вновь стоит отметить, что «в обращении к...» — это не семантика лексического знака, а pragmaticальные условия его использования, для указаний на что в устройстве словарной статьи предусмотрено собственное место.) Большое сомнение вызывает возможность употребления множ. *тёты* в функции вокатива (пункт «2.»); помету «мн.», на мой взгляд, следовало разместить не перед всем толковательным материалом, а лишь в статейной зоне после цифры «1.», где она оправдывается приводимыми контекстами.

(ii) В пункте «2.» из семи текстуальных примеров, назначенных подтвердить характеристику адресата («незнакомая женщина»), ей соответствует лишь один, да и то не явным образом (*Продай, тетя, мальчика.*). Остальные тексты —зывающие свойские, до фамильярности (*Тетя, свари кашу има; Тетя Дуня, а где телок-то?*).

Tex, постпозитивная частица. Употребляется для подчеркивания и выделения слова во мн. ч., к которому относится. *Хватает робятишек-тэх.* Терск. Мурман., 1979 [СРНГ 44: 108].

(i) Диалектная партикула *-tex* — по-видимому, из немногих постпозитивных частиц в их разбалансированной совокупности (о «системе» говорить затруднительно), если не единственная, которая сохраняет чёткую соотносительность с падежной формой подчиняющего имени (примеров, впрочем, мало). Ср. иную картину с постпозитивными частицами *-от* (ночь-от!), *-те* (за барышами-те!), *-ти* (сено-ти, людей-ти!⁴), *-ту* (с таким-ту характером!), *-ты* (ложку-ты!) и проч., отражаемую в рассматриваемом словаре [СРНГ 24: 109; 43: 332; 44: 115; 45: 204, 316]. Ввиду таких обстоятельств ограничительное указание «во мн. ч.», предложенное

⁴ Трудно не поделиться восхищением, которое вызывает ростово-ярославская запись (несущая откровенную «металингвистическую» самоиронию): *У нас-ти в Ростове-ти луку-ти, чесноку-ти, а навоз-ти все коневий!*

в комментируемой статье, видится недостаточным: следовало расширить его указанием «в род(ительном) (или винит(ельном)?) п(адеже)».

(ii) Вновь следует оговорить принадлежность послезаголовочной объяснительной формулы «Употребляется … относится» к грамматическим сведениям, которые в статьях желательно размещать «в подборку» с частеречной квалификацией и тем же курсивным набором (что отделило бы их от собственно толкования). В конкретном рассматриваемом случае набираемого прямым шрифтом толкования («перевода»), впрочем, и не должно быть: у частиц нет лексического значения.

Тéцка, ж. Тетушка, тетя. Кинеш. Костром., 1846. С этого мопеда (когда его украли) и тецки приступ был. Тихв. Ленингр. [СРНГ 44: 109].

Графика не отражает реальной, скорее всего, палатализованности дорсальной аффрикаты, здесь переданной буквой *ц*, перед мягким согласным [k'] (-*цки*). Вопрос ещё и в том, каков характер звука, передаваемого буквой *ц* в записи формы именительного падежа (ставшей заголовком статьи), иначе говоря, как выглядела бы она в приближении к принятой орфографии — *тётка или *тётька; вопрос, впрочем, скорее не к составителям словаря, а к безответным регистраторам этих форм. Ещё раз нужно высказать сожаление о принятой в словаре упрощённой графике для диалектных текстов: согласимся, что если за буквеннной последовательностью *тецки* (*sic!*) может скрываться форма, в иной манере записываемая как *тётьки*, то неладно что-то в наших лексикографических правилах.

2. Тéчка и тéчка, ж. 1. Тéчка. Тетушка, тетя. 2. Тéчка. Болезнь малярия. Казан., 1855 [СРНГ 44: 110].

Колебаний е ~ ё в заголовке и подзаголовках, утомительно диктующих избыточные разнотечения, можно уже не касаться. Речь о букве ч: совершенно очевидно, что использованные в статье записи отражают не историческое развитие аффрикаты ч(‘) из этимологического т’, а лишь шепелявость последнего — [t’ш’], свойственную конкретным идиолектам и специальному показу в словарях не заслуживающую. К значению «2.» в комментируемой статье: см. тётка 4. ‘болезнь малярия’ в этом же томе (с записями от Смоленщины до Забайкалья).

Тигрénевый (...). Шагреневый. (...) Углич. Яросл., 1990 [СРНГ 44: 118].

Правильно ли прочитана запись? В ней можно допустить отражение редукции гласного в предударном слоге: **шигреневый*.

2. Тиль, жс. Насекомое тля. *Прошлый год тиль мало было, а уже но-
нешний — как кто-то насыпал.* Тиль есть, связывает сам цветок. Брян., 1973 [СРНГ 44: 118].

Очень непростой случай. В первой фразе (от точки до точки) форма *тиль_[1]* воспринимается иначе, чем это прописано грамматическими характеристиками в начале словарной статьи, — скорее как форма родительного падежа множественного числа к некоему **тиля* (в реконструкции похожему на *миля* или *простофиля*; впрочем, ударение — на вкус реконструктора). Вторая фраза включает в качестве сказуемого к подлежащему *тиль_[2]* двусмысленную глагольную форму *есть* — то ли ‘имеет место’, то ли, несколько более вероятно, ‘поедает, жрёт’ (с брянской палатальностью во флексии, чemu, однако, не резонансна соседняя глагольная форма); общее содержание фразы просматривается с некоторым усилием. Так или иначе, свести формы *тиль_[1]* и *тиль_[2]* в непротиворечивую парадигму оказывается задачей чрезвычайно затруднительной.

1. Тýля, м. 1. О глуповатом, простодушном человеке [?]. *Бог не тиля:
видит праведника и крутия.* Смол., Добровольский, 1891 [СРНГ 44: 118].

Составителю статьи неизвестны пословицы — белорусская *Бог не цяля — бачыць круцяля* (буквально ‘бог не телёнок, видит проходимца’), украинская *Бог не теля, баче (з)відтія* ‘…видит оттуда’. О вытекшей из этого незнания формоотождествительной ошибке, акцентуационной прежде прочего, можно не говорить.

Тимотиграс, м. То же, что тимотей. Бурнашев [СРНГ 44: 125].

То есть ‘Phleum pratense, тимофеевка луговая’. Номенклатурное немецкое *Timothygras*, записанное кириллицей, составителем СРНГ опрометчиво расценено как русское диалектное слово. Заметим отсутствие территориальной пометы как в комментируемой статье, так и в отыскочной.

Типéнный, а я, о е. 1. Ступа на мельнице для толчения ячменных отрубей на муку. (...) [СРНГ 44: 130].

Прилагательное истолковано как существительное.

Тирь, глаг. междом. Об измельчении овощей на терке. (...) *Отморо-
зовил щеку да тирь, тирь ее снегом.* Смол., 1939–1956 [СРНГ 44: 130].

Без комментариев.⁵

Тискануть (...) [СРНГ 44: 135].

Во всех трёх текстуальных картинках, сопровождающих в статье толкования этого многозначного глагола, его написание отклоняется от орфографии, заданной заголовком: *тисконул* ('надавил' — крючком как инструментом), *тисконули* ('внезапно наступили' — о морозах), *тиско-
нули* (с неясным значением, которое, однако, соответствует не прописанному толкованию 'быстро убить выстрелом зверя', а явно чему-то другому: *Охотники тисконули, стрельнули медведя из ружья да уложили
его насмерть*). Об орфографии источников можно лишь гадать; судя по накопленному опыту чтения СРНГ, оригинальные записи нередко подвергаются в нём графическому поновлению. Как бы то ни было, наблюдаемое расхождение между заголовочной и иллюстрирующими формами маложелательно.

1. Тыйка и тыйка. (...) ~ **Куричыи** [курячыи] тыйки, свиные нож-
ки. (...) Даль. (...) Подвысоцкий (...) [СРНГ 44: 139–140].

В источниках, и не только упомянутых, иначе: «...свиные рожки». Без комментариев.⁵

Тыца, жс. Птица. Р. Индигирка Якут., 1928–1931 [СРНГ 44: 147];

2. Тыйка, жс. Ласк. Птица. Р. Индигирка Якут., 1928–1931 [СРНГ 44:
148].

См. выше комментарий к ст. **Ташки**.

Тлэли, мн. 1. Срубленный и сожжённый лес. (...) || Выгоревший участок леса. (...) *на этом месте, по тлелям, клевер хорошо растет.* Волог. (...) [СРНГ 44: 155].

В заголовке статьи не отражён вариант с непалатальным исходом основы: «2. Упавшие склонившие деревья. *Нынче в лесу тлел много.* Режев. Свердл., 1987». Здесь кавычками выделена подправленная составителем анализируемой статьи цитата из издания [Словарь Среднего Урала VI:

⁵ Первоначальный вариант комментария по причине его недостаточной академичности снят. — Ред.

93], источника надёжного, где эта форма приводится в статье **Тлéо** — под вокабулой, как можно заметить, несодчинимой с формой, которая «возвладила» комментируемую статью СРНГ. Некорректностей такого рода в нём, как, впрочем, и любом другом словаре, лучше избегать.

Тлеть (...). ~ **Нитки тлеют на рубахе.** Очень бояться чего-л. *И раз по ему все нитки тлеют на рубахе.* Опоч. Пск., 1957 [СРНГ 44: 156].

По моим наблюдениям, подобные фразеологизмы, представляющие собою синтаксически завершённое предложение, у лексикографов нередко вызывают затруднения в отыскании удобных формальных соответствий. В данном случае (где фразе, включающей финитный глагол, поставлена в качестве толковательного соответствия лишённая предикативности конструкция с инфинитивом) из состава фразеологической единицы опрометчиво выпущено входящее в её синтаксическую схему непременным членом предложно-именное (конкретно здесь — предложно-личноместоименное) сочетание *по ему* ‘у него, на нём’. Зато в «толкование» механически включена местоименная форма *чего-л.*, провисающая без соответствия чему бы то ни было в составе толкуемого. Кажется, лучшим, чем обсуждаемый, вариантом словарного показа фразеологизма было бы «~ **Все нитки тлеют на рубахе по кому-л.** Страшно кому-л.».

Тлéять (...). Тлеть. *Грудка-то [костер] не загасишь: тлеет еще.* Новг., 1965 [СРНГ 44: 156].

Статья представляется удобным случаем показать, как принятые в СРНГ укорочение русского алфавита до тридцати двух букв и снятие диагностических ударений за пределами статейных заголовков сказываются на восприятии текстов-иллюстраций. Можно поручиться, что при чтении закурсивленного текстуального примера читатель споткнётся несколько раз, пытаясь осознать его смысл. Во всяком случае соотнести буквенную последовательность *грудка* с формой родительного падежа существительного *грудóк* ‘костёр’ (см. [СРНГ 7: 164]) сходу не удаётся; а как при прописанном заголовке озвучить финитную форму *тлеет* — *тлéёт, **тлé[jo]t* или ещё как-нибудь, — остаётся непонятным даже после пробных репетиций. Вопрос об ударении в форме *загасишь* не стоит и задавать. Широта возможностей для формальной и содержательной интерпретации может представать достоинством разных жанров художественной литературы, но природа и назначение словарей, включая диалектные, иные.

[Толеть] [СРНГ 44: 183].

Замечание касается не названной статьи, а, по-видимому, следующей, которая из-за какого-то сбоя в наборе осталась без начала (после неё следует статья **Толечки**):

2. *Временной союз*. Едва, едва лишь. *Томче белые уехали, и красные здесь*. Велик. Тюмен., 1998.

В цитате ошибка набора (чтения): вместо *томче* следует, по-видимому, *толече. Ср. далее в словаре: *толиче* ‘только’ [44: 184].

Толз, частица. Не толз. Не только. Молож. Яросл., Преображенский, 1853 [СРНГ 44: 183].

Тёмный случай. В источнике [Преображенский², 1853: 134] обнаруживается соединение буквенной последовательности *толз* с отрицательной частицей лишь в слитном написании (: «*Нетолзъ* — не только»). Оно, вероятно, отражает морфологическую спаянность элементов, а не простое (свободное) соединение слова и негативирующего знака. Никаких формальных аналогий этому слову — или псевдослову — найти не оказалось возможным (обратный словарь к СРНГ даёт ещё только две единицы с исходом на -лз, явно с рассматриваемым случаем не связанные: *ополз* и *харлз*⁶, см. [Инверсионный индекс 2000: 151]). В моложскую запись, по всему судя, вкраилась чрезвычайно досадная ошибка. Мне кажется, что форму *нетолзъ* можно сопоставить с устройством наречий *дотолѣ* ‘до тех пор, до того времени; до того места или случая’ (формула Даля), *оттоле* ‘оттуда; с тех пор, по этой причине, потому’, *потоле* (ср. в нижегор. *потоле эдак* ‘должно быть(,) так’), и исход записи (-зъ) следует объяснить как результат неверного прочтения рукописного «ятя»: **-п**. То есть заголовок статьи должен был выглядеть как **Нетоль** (или, с приложением к теперешней орографии, несколько упрощающей историко-языковые связи, — **Нетоле**).

Толкаться (...). [СРНГ 44: 187].

В статье три из семи текстуальных иллюстраций (к разным значениям) содержат финитные формы *толкусь* и *толкись*, которые могут быть соотнесены с просящимся в заголовок инфинитивом *толочься*. Замечание, однако, условно: полными парадигмами конкретных говоров, в

⁶ Первая — производное к оползать (см. у Даля); вторая в нужном выпуске СРНГ отсутствует, ей, по-видимому, в уточнённом облике отвечает урал. *харлез* ‘хариус’.

которых могут вторичным образом смешиваться формы, возводимые к нетождественным родственным архетипам, мы не располагаем.

Толкúта, жс. Кушание из вареной рыбы, толченой с ягодами. Колым. Якут., 1901 [СРНГ 44: 193].

Результат прочтения рукописной буквы *иши* как *м*. Ср. сиб., камч. *толкúша* ‘кушанье из тюленьего или другого жира, с ягодами, коренями, иногда с рыбной икрой’ [Там же].

Толокшéка, жс. Суп из овсяной крупы. Пск., 1959 [СРНГ 44: 203].

Остро ощущимая неорганичность этой вокабулы заставляет искать неиспорченный оригинал. Близкими к нему видятся формы в статье «**Толокнáха и толокнýха, жс.** 1. Овсяная похлебка. Пск., 1957–1961» [СРНГ 44: 200]. Ещё более близкая в графическом облике часть основы *толокн-* не совпадает, однако, с комментируемой формой дальнейшей суффиксацией и семантикой: *толокмáйка* ‘толчёное корыё’, ‘загнивающая дряблая рыба’ и ‘плод шиповника’ [Там же]. Так или иначе, в заголовок статьи помещена повреждённая форма.

Толстобашéмный, а я, о е. Имеющий большую голову. Яросл., 1990 [СРНГ 44: 208].

Сравнение этой словарной статьи со следующей («**Толстобáшешный, а я, о е.** То же, что толстобашемный. Яросл., 1990») не оставляет сомнений в их появлении из единого источника и очевиднейшим образом говорит в пользу второй из них. Замещение этимологически оправданного *иши* (в сочетании *ин* < чн: *-башечн- ← *башка*) на *м* может быть объяснено лишь как следствие девиантного прочтения второй из двух букв *иши*; непрозрачность вновь возникшей «морфемы» могла далее вызвать у составителя статьи мысленное перенесение ударения вправо на один слог. Не очень понятно, правда, какие технологические обычаи работы над словарём привели к появлению параллельных картотечных дешифровок единой диалектологической записи. Попутно можно сказать о забавности указаний на парадигму родовых флексий («-ый, а я, о е») у прилагательного штучного, выявленного в единственном экземпляре на всю многовековую русскоязычную литературу (но таковы правила лексикографической обстоятельности, оспаривать которые нет причин; хотя, нужно заметить, как раз отступления от них в СРНГ более чем нередки).

Толчёник (...). 3. Толчёники, мн. Рыбные котлеты. Тогда же мясорубок не было, мясо на котлеты толкли и получались толченики. Даг. АССР, 1989. || Колобки, клецки с рыбой, которыми заправляют уху. Север, Даль. (...) [СРНГ 44: 187].

Непонятно определение «рыбные» в толковании, сопровождённом дагестанским примером.

Томче, частца и союз. 1. Выделительно-ограничительная частица. Только. Томче не говорите, что дед вас послал. Ср. Прииртышье, 1993 [СРНГ 44: 227].

Ошибка прочтения. Ср. форму *толиче* ‘только’ с регистрациями в говорах Урала [СРНГ 44: 184].

Союза, который обещан послезаголовочной ремаркой, в статье нет. Вероятно, это следствие авторского пропуска и редакторского недосмотра: трудно представить механическое выпадение абзаца из компьютерного набора.

Тонковолóкий (...). Тонковолокнистый. Кушвин. Свердл., 1998 [СРНГ 44: 230].

Это одна из нескольких статей, показывающих произносительные колебания и малозначительные расхождения в морфемном составе слова, найденного в одном месте и в одно время (см. позиции **Тонковолóкий** и **Тонковолóкны́й** на следующей странице словаря). Однако как раз комментируемую форму, думается, можно было не включать в словарь, поскольку она отражает лишь небрежное произношение, интереса для толковой лексикографии не представляющее.

Тончёвенькый (...). Она такая маленькая да тончевенъкая. Любыт. Новг., 1968 [СРНГ 44: 235].

Текстуальная иллюстрация к статье и географические сведения о слове совпадают с показаниями статьи **Тончáвенькый** на этой же странице словаря. Если не считать ударного вокализма в заголовках, незначительное различие лишь в толкованиях: «Худой, тонкий (о человеке)» здесь и «Худенький, стройный (о человеке)» там. Можно предположить дублирование исходного материала. Информация какой из статей, отличающихся скорее лишь технически, достовернее? Впрочем, любытинские тексты можно сравнить и с регистрацией валдайской, километров на 120 южнее и лет на 120 раньше: «**Тончíвенькый** (...). Она така тон-

чивенъка» [Там же]. Однообразие записанных на Новгородчине текстов, служащих примерами к этим трём статьям, смущает.

Топéд, м. Мопед. (...) [СРНГ 44: 239].

Не может ли это слово быть результатом ошибочного прочтения торопливой ручной записи? Ср. ранее отмеченные дешифровочные смешения в СРНГ строчных букв **м** и **т**: *натекнуть, готонить, кулеты...* вместо правильных форм *намекнуть, гомонить, кулёмы...* (см. в критических разборах А. Е. Аникина, А. Б. Страхова и др.).

Топкáч, м. Инструмент, используемый при изготовлении сукна. (...) [СРНГ 44: 239].

Эта статья, исключая мену **л** на **п** в заголовке и внутри иллюстрации и несущественную разницу в дефиниции, повторяет основную часть пункта 4. статьи **Толкач** в этом же выпуске [44: 187]. Справка в словарях-источниках подтверждает ошибку в комментируемом заголовке (см., в частности, [Новосибирский словарь: 537]: *толкáч*, ровно с тем же примером).

Топлыж, м. Болотистое, топкое место. (...) *Топлыж, здесь не пройдешь, не проедешь, слабый грунт.* Ср. Прииртышье [СРНГ 44: 248].

Думается, что написание с **-ж** на конце формы вызвано реальным звонким согласным сандхиальной природы ([-ыж_з'д'-]), который регистратор текста подсознательно спроектировал в письменное отражение слова. Суффикс **-ыж(-)**, судя по всему, не существует в качестве независимого оформленителя, а выступает только как связанный вариант суффикса **-ыг-** перед другим суффиксом — с историческим «ерем» (*-ьп-, *-ьј-: *сквалыжный, булыжник, диал. мухрыжник, комлыжье...*). Иная, более оправданная запись обсуждаемого слова — на этой же странице словаря, в статье **Топлыш**, в диагностирующих формах (*в*) *топлыше, топлыши*, запись одной из которых, кстати, сделана в том же Среднем Прииртышье и, похоже, тем же диалектологом-собирателем.

Тóроз, м. Ледяная глыба (...); торос. (...) [СРНГ 44: 280].

Упрёки комментируемому изданию в бедности грамматической информации, отмеряемой принятыми его правилами, могли быть сделаны не раз и по множеству поводов. В рассматриваемом случае парадигматическая характеристика слова обеднена за счёт умолчания сведений о

плюративе *торозá* (именит. пад.), который невыводим из заголовочного блока, но скрыт в цитате («*Где тороза — весной говорят: “Лед несет”*»).

Попутно: наречие *стоямия* («*Его стоямия ставит*») — следствие опечатки? Или это реальная форма, не выловленная эксплораторами, но заслуживающая словарной регистрации?

1. Торóк, м. Веревка, ремешок в упряжи пристяжной лошади. *А вот веревки-то идут, это тороки.* Турин. Свердл., 1987 [СРНГ 44: 281].

В курсивной цитате из доброкачественного издания [Словарь Среднего Урала VI: 97] обнаруживается исправление, которое совершенно не заметно торопящемуся читателю, но носит чрезвычайно злокачественный характер: *веревки-то*, с заменой (!) постпозитивного элемента, — вместо восхитительно точного *верёчки-те*. С какою целью сделана поправка? Ведь в диалектологическом издании подгонка диалектного текста к нормам письменного литературного языка — это прямая фальсификация данных. В чём составители СРНГ видят задачи диалектографии вообще и назначенностъ собственного лексикона в частности? По моим наблюдениям, «улучшающей» правки источников, вплоть до прямых, как в показанном случае, подлогов, в обсуждаемом словаре катастрофически много, хотя эта правка прямо нигде не декларируется. Заметный в 1930-е годы бичеватель диалектов как постыдного, изжившего себя социального явления вульгарный марксист Ф. П. Филин от этих своих взглядов позже, насколько мы знаем, отшёл, но ранние его воззрения, созвучные социолингвистическим позициям Ленина (ср. у последнего презрительный термин «областнический» — о словаре Даля) и Горького (который русского крестьянства не знал и откровенно не любил), в разных местах СРНГ аукаются, пусть своеобразно, до сих пор.

2. Тóрок, м. Льдина, кусок льда. *На берег большой торок льда вынесло.* Терск. Мурман., 1932 [СРНГ 44: 281].

Сочетание именно этой формы и этого значения регистрируется единожды. Результат ошибочного прочтения? Синтаксическая неточность записи? Ср. расхождения с показаниями статей 1. **Тóрок 1–3, 1. Тóрос 1–3** [СРНГ 44: 280–281, 284].

Попутно: ярлыка «Терск. Мурман.» в перечнях сокращений географических названий не обнаруживается (имеется в виду Терский берег — восточная окраина Кольского полуострова; отдельное сокращение

«Терск.» отсылает к исторической административно-территориальной области по р. Тереку, с центром во Владикавказе).

Торокó, *ср.* Один из двух ремней позади седла, которыми привязывают груз. Сиб., Черепанов, 1854 [СРНГ 44: 281].

Ввиду редкости регистрации можно осторожно предположить неверное восстановление сингулярной формы из *торокá* (мн.) — вместо *торóк*. Однако ср. севернорусские формы *багró* ‘багор’, *дернó* ‘дёрн’, *колоколó* и под., особенно *гужó* ‘часть конской упряжи’ [Архангельский словарь 10: 136].

Торопá, мн. Ремни сзади седла, торока. Онежские былины, 1948 [СРНГ 44: 282].

Судя по всему, старый *lapsus legendi*: из *торокá* (мн.). Ср. (1.) *торóк* (ед.) то же.

Торсовщикíк (...). Арх., Песков, 1931;

Торсовый (...). Арх., Песков, 1931 [СРНГ 44: 290].

Две эти формы (из единого источника), вынесенные в заголовки статей, вызывают сомнение. Во-первых, других записей укороченной таким образом широко распространённой основы (корня) *tórócs-*, которая служит для обозначения ледовых образований, нигде больше, похоже, не отмечается (см. компетентный и пунктуальный обзор производных в [Аникин 2000: 557]). Во-вторых, в текстуальной иллюстрации ко второй из них упомянутая основа встречается в обеих версиях — и полнобуквенной, и «синкопированной»: «...на льдинах, по местному выражению “торосах”, вследствие чего и самый промысел называется “торсовым”, а промышленники — “торсовщиками”». Что за этим — отражение узкогеографической / индивидуальной произносительной особенности либо всё же ошибка в письменном воспроизведении формы?

Тосё-быё, *указат. местоим.* Разнообразные дела, обстоятельства, слова и т. п.; то да сё. Дон., Голубов, Архив АН [СРНГ 44: 294].

Статья вызывает сомнения. Во-первых, ошибочна характеристика этого местоимения: не «указательное», а неопределённое (к чему можно добавить, что местоименные функции союзных сочетаний *то да сё* и его эквивалентов ощутимо ослаблены, в развёрнутые синтаксические построения, в отличие от стандартных местоимений, они вписываются с

трудом, тяготея к текстуальной отдельности). Во-вторых, подозрительна неопрятность его формы. Обычно tandemные местоимения со значением обобщительной неопределенности принадлежат прозрачной рифме: *такой-сякой, того-сего, того-ново* [СРНГ 44: 300]⁷, *там-сям, туды-сюды, всякого-якого* (→ *всякова Якова*)⁸; они по своей конструкции примыкают к явлениям гендиадиса, с характерной для него асемантичностью одного из компонентов рифмованного сложения (см. [Рамстедт 1957: 222–223; Журавлëв 1982: 85–86]). Возникает естественное подозрение, что комментируемая статья возникла путём патологического удвоения предшествующей ей — *Тосё-босё* «то же...» (с географической пометой «Дон., 1848») из-за прочтения буквенного сочетания *ос* как *ы*. Сомнений насчёт этой последней статьи меньше — хотя бы потому, что неподалёку помечена статья «*Тоси-боси, у[к]азат. местоим.* То же, что тосё-быё. *Тоси-боси и сто рублей порассорил* [потратил]» с тою же донской географией, но с примером более позднего времени записи.

Тот-сей, та-ся, те-сё, неопр.-личное местоим. (...) [СРНГ 44: 301].

Отыскать в словаре хотя бы одну из трёх номинативных форм, помещённых в заголовок статьи, не удалось. Эта трёхзвенная цепочка вocabul-реконструкций, показанных по правилам лексикографической игры лишь в номинативе-сингуляре, соотносится только с малым числом реальных парадигматических форм: *того-сего, тому-сему, ту-сю, то-сё, тех-сих (тих-сих)* — вот, пожалуй, и всё. Но вопрос даже не в правдоподобии или сомнительности того или иного заголовочного реконструкта (ошибочность предложенной записи *те-сё* более чем очевидна). Вопрос в том, относятся ли знаковые последовательности вроде *того-сего* к лексикализованным единицам или остаются фактом синтаксиса: если буквенную цепочку *того-сего*, оглянувшись на заголовок, мы незатруднительно сочтём формой слова, то как быть с цепочками *о том о сём, ни с того ни с сего, ни про то ни про сё...* (которые скорее всего предстанут во всех записях и без дефиса, и без запятой)? Самостоятельные знаки (и тогда им место в словаре) или комбинации знаков (а в этом случае они должны

⁷ Предложенная в словаре орфография этой пары зрительно ослабляет эффект её заскриптованности. Пример подтверждает высказанное ранее соображение об изначально местоименной природе прилагательного *новый* [Журавлëв 2016: 183–191].

⁸ Вплоть до синтаксически вырожденных крайних вульгаризмов (*хуё-моё*).

рассматриваться в описаниях диалектного синтаксиса)? Но ведь есть ещё комбинации местоименных этих форм с сочинительными союзами: *то да сё, того и сего...* Ответ на произнесённые сомнения вполне ожидаем: мы имеем дело с фразеологией. И если так, то почему «*Тот-сей, та-ся, те-сё*» квалифицированы словарём как «*неопр.-личное местоим.*», а не более адекватной формулой?

Тощить, *несов., перех.* Тащить, нести что-л. Жиздр. Калуж., 1905–1921. Чего на себе тошишь, ведь лошадь же есть. Дон. [СРНГ 44: 313].

Заголовочная реконструкция более чем сомнительна: ср. в соответствии закономерным финитным формам *садит, катит, платим, подаришь* просторечно-диалектные *сöдит, кóтит, плóтим, подбрóишь*, которые не придёт в голову приводить к инфинитивам, подобным заголовочному, — с накорневым ударением.

Трак, *м.* Дорога, проезд и т. п. Значит, заехали, гляжу трак-от узкий там, я взял в сторону (...) Нижнетагил. Свердл., 1970 [СРНГ 44: 347].

С некоторой, однако, вероятностью можно допустить, что здесь не постпозитивная частица *-от*, а произнесение слова *тракт* с паразитической слоговостью в конечном консонантном сочетании: [трак^т]. Ср. «**Фáкот**, *м.* Факт. Бударин. Сталингр., 1958» — наряду с упрощением конечной консонантной группы в «**Фак**, *м.* Факт. Тутаев. Яросл., 1928. Бударин. Сталингр.» [СРНГ 49: 40].

Трандúн, *м.* О неповоротливом человеке. Все помощники — трандуньи. Дон., 1929 [СРНГ 45: 5].

Снятие ударений в текстуальных примерах, принятые в комментируемом издании за жёсткое правило, лишает оригинальную диалектную запись требуемой или достижимой точности и делает её в акцентологическом отношении двусмысленной. В настоящем случае непонятно, на каком слоге находится ударение в форме множественного числа — конечном или предконечном? Словарь-источник такие сведения давал («(...) Вот помощники-трандуньи» [Миртов: 325], ударяемый гласный выделен в издании полужирной литерой), в СРНГ же эта информация, как можно убедиться, сочтена излишней роскошью. Непонятно, кроме того, насколько необходимо «восстановление» графики шипящего согласного (*щ* на месте *ш* в оригинальной записи); по моим наблюдениям, такая правка в словаре делается непоследовательно. А уж о такой мело-

чи, как замена *вот* на *все*, безобразно искажающая смысл высказывания (выражение досады по конкретному поводу, степень которой не слишком ясна, вытеснено злобно-осудительной сентенцией обобщительного звучания), можно и не упоминать. Что заставило составителя, точнее, копировщицу этой статьи, сделать четыре исправления в чужом цитатном тексте, образуемом всего тремя словами?

Транды, ж. Чепуха (...) [СРНГ 45: 5].

Раньше в подобных случаях после заголовка было принято ставить указательную помету «мн.».

Тратарарапá, ж. Пустая болтовня. *Сошлись соседки: тратарарапá.* Смол., 1914 [СРНГ 45: 10].

Звукоподражательное междометие трактовано как имя существительное, с приписанием ему грамматического рода. Словарь [Добропольский: 914], откуда взято слово, повода к его «субстантивации» не даёт.

Трёкало, м. и ж. 1. Болтун, болтунья. (...) 2. Врун, обманщик. (...) [СРНГ 45: 24].

Вариативность грамматического рода этого имени существительного — выбор между мужским (!) и женским (!), в зависимости от объекта именования, см. призаголовочные пометы, — с неопровергимой убедительностью иллюстрируется примерами: *Баба-то у Васьки — чистое трекало;* (...); *Ходит по домам трекало проклятое да врет напропалую что на ум взбредет* (...).

Тремычка, ж. Перемычка, промежуток. Старорус. Новг. [СРНГ 45: 30].

С вероятностью можно предположить неточное прочтение рукописного начертания слова *перемычка*. Характерный для книжной речи префикс *tre-*, первоначальное значение ‘троичности, троекратности’ у которого сместилось к семантике усиливательности (ср. *тресветлый, треклятый, трезвон, треволнения*), вряд ли может быть усмотрен в составе обсуждаемого заголовочного имени.

2. Трень-брень, ж. *собир.* Мелочной товар. Дон., 1852. ♦ Чего с трень-брень. О незначительном количестве чего-л. Дон., 1852. ~ **Получилось, выросло и т. п. трень-брень.** Выросло, уродилось пло-

хим, редким (о зерновых, травостое и т. п.). *Сеял по норме, а всходы ржи получились трень-брень. Ныне в лугах травостой трень-брень.* Теренг. Ульян., 1971. [СРНГ 45: 34].

Слову очевидно междометной природы — лишённому каких-либо признаков изменяемости и в лучшем случае могущему оцениваться, с отталкиванием от ульяновских примеров, как несклоняемое прилагательное — приписана категория рода. СРНГ в этом случае повторяет некорректную грамматическую квалификацию слова в лексиконе [Опыт: 232], откуда оно взято (с припиской ярлыка «собир.»). Впрочем, в речении, сопровождающем вокабулу в «Опыте», но в СРНГ почему-то не воспроизведённом, эта междометная единица помещена в сравнительный оборот (*Всего-то с трень-брень*), бросающий на неё отсвет субстантивности, но без всякого навязывания гендерного грамматического осмысления.

Трепалы́га, ж. Болтун, пустомеля {...} || Хвастун. *С ним, трепалы́гой, даже разговаривать не хочется.* {...} [СРНГ 45: 37].

Несмотря на местоимение мужского рода *он* (/ *ним*), соотнесённое в цитате с толкуемым статьёю словом, при вокабуле проставлен значок «ж.». Для сравнения: в СРНГ слова общего рода *забулды́га, тоны́га* и др. мечены значком «м.» (примеров на применение этих слов к лицу женского пола, вероятно, не нашлось), а *босомы́га, замухры́га, короты́га, муры́га, прощелы́га, сквалы́га, торопы́га, фуфлы́га, ханы́га* и мн. др. — корректным указателем «м. и ж.» (специальной пометы для существительных общего рода в словаре не предусмотрено, см. [СРНГ 28: ix]).

Трепечи́ть {...} Дрожать, трепетать {...} [СРНГ 45: 38–39].

Инфинитив, восстановленный в заголовке статьи, сомнителен. Дважды отмеченная в текстуальной иллюстрации неакцентованная финитная форма *трепечит* (об осине, точнее, её листве) может соотноситься с иными инфинитивными версиями, прежде всего с *трепетать*.

Трёскать, несов.; **трёснуть** и **трёснутъ**, сов., неперех. {...} 7. Умереть, скончаться. {...} □ Безл. Треснуть кому-л. Эка была-де корова обжорица, Да дробины-то наелась, ей и треснуло. Пудож. Олон., Гильфердинг. {...} [СРНГ 45: 50–51].

(i) Диалектная местоименная форма *ей* принадлежит не дательно-му падежу, как определено в статье («*кому-л.*»), а представляет собою

аллегровый вариант винительного (= ‘её’). Кому как не диалектологу об этом догадатьсяся. Фразе *ей треснуло* ближайшим образом отвечает толкование ‘её разбило’, а не ‘она умерла, скончалась’, как то назначено подстатьевым толкованием. [Дробина — ‘соловодая гуща, пивные выжимки (обычно скармливаемые скотине)’, см. Архангельский словарь 12: 260.]

(ii) Речение **Съела молодца, да и не трёснула** следовало разместить не в этой подстатье, а в предшествующей («6. Ломаться, лопаться, разрываться на части (с треском)»).

Тржиканье, *ср.* Крик стрепета. *Призывное, неудержимо-страстное тржиканье самцов слышалось повсюду*. Дон., 1949 [СРНГ 45: 94].

Заголовочное слово — не донской диалектизм, а изобретение М. Шолохова (привлечена цитата из «Тихого Дона», книги третьей). Никакими другими источниками существование слова не подтверждается. Несмотря на высокую компетентность Шолохова (как и некоторых других, сравнительно немногих, литераторов) в региональной лексике, к цитированию беллетристических сочинений в собственно диалектном словаре лучше не прибегать: велика опасность aberrаций.

Трйнди-брйнди, *м.* Непутёвый человек. *Он эдакий какой-то тринди-бринди*. [...] [СРНГ 45: 99].

О принятых в комментируемом словаре способах выявления грамматического рода подобных имён уже говорилось (см. выше). Впрочем, вопрос как раз в том, какое это имя — существительное или несклоняемое прилагательное, и если последнее, то уместна ли помета «*м.*».

Триожитошник, *м.* Выпечное изделие из муки, приготовленной из смеси трех злаков — ржи, овса, ячменя, реже пшеницы. *Триожитошников матка напекет*. Кирил. Волог., 2005 [СРНГ 45: 100].

Похоже, что в заголовке — результат описки, которая не была вовремя выявлена и исправлена, а словарная карточка с нею механически попала в «нужное» по алфавиту место: *ср.* далее в этом же словарном томе (с. 107) статьи **Троежйтка**, **Троежйтник**, **Троежйтный**, **Троежйток**, **Троежйточный**, развивающие ту же семантику. Предположить речевую (артикуляторную) метатезу [o'и] → ['ио] с утратой йотобразного межвокального элемента и компенсаторным смягчением выбранта затруднительно.

Трипúшник, м. Растение *Centaurea Jacea L.*, сем. сложноцветных; вasilек горькуша. Тул., Анненков [СРНГ 45: 100].

Наряду с записью *Трипушник* в высококомпетентном ботаническом словаре [Анненков 1878: 90] встречается фитоним *Трипутник* ‘подорожник, *Plantago arenaria*’, ‘*Swertia perennis*’ [Там же: 258], который и следует находить предметом графической порчи (Н. И. Анненков пользовался многочисленными присылавшимися ему рукописными источниками, не всегда филологически безупречными). К сравнению: фитонимы *трепутник*, *трипутень*, серб. *трипутац*, *тропутац* [Там же: 259, 290]; шире, вне композитных единств, также *путник*, *попутник*, *припутник*, *дорожник*, *подорожник*, *придорожник* и проч.

Троежéнить, жс. Троеженство. *Спаси Господи меня, раба Божия Ивана, от ведуна, от ведуницы, от троеженити.* Онеж. Арх., 1885 [СРНГ 45: 107].

Заголовочная форма и предложенное её значение чрезвычайно сомнительны. Во-первых, толкование выдвигает неизвестный субстантивному словообразованию суффикс *-ить. Возможное предположение, что запись отражает старую морфему *-(‘)адь, из-за деэтимологизации претерпевшую оглушение согласного, нужно отклонить по семантическим и строевым причинам: имена с нею тяготеют к более конкретной семантике; эта морфема, как можно заметить далее, не используется в образовании сложных (композитных) основ. Во-вторых, словарём предлагается интерпретация заговора, по которой трёхчленный (если текст не оборван) перечислительный ряд, в отступление от привычных для этого жанра последовательностей, включает разнокатегориальные содержательные величины — имена чуть ли не мифологизуемых персонажей, несущих угрозу, с одной стороны, и абстрактное название осуждаемого социального состояния, с другой. Перечисления в заговорах в семантическом отношении обычно более цельны, если не сказать монотонны. В-третьих, диалектные имена перм. *двоежёня*, волог., перм. *новожёня* и специально перм. *троежёня* [СРНГ 7: 287; 21: 257; 45: 107] позволяют увидеть в разбираемой онежской форме (*от*) *троеженити* сочетание существительного с севернорусской постпозитивной частицей *-ти*.

Троелáй, м. То же, что троелист. *Троелай, он от желудка.* Амур., 1983 [СРНГ 45: 109].

Сомнение касается статьи не в СРНГ, а в источнике — [Словарь Приамурья: 302]. Представить девиантное прочтение ручной записи *троелист* (в СРНГ регистрируется 7 лексем с такой основой) намного легче, чем выявить этимологию и этиологию заголовочной формы, если она точна.

Троесотёнка, жс. Шалаш с тремя стенками. Илим. Иркут., 1969 [СРНГ 45: 111].

Статья на своём алфавитном месте. Близкое расположение статей **Троестён**, **Троестёнка**, **Тростённый**, **Тростёнок** с почти идентичными значениями (география разная) не изменило уверенности составителя в реальности слова. Но тогда оно становится проблемой для историков фонетики и лексики.

Тросинка, жс. Лодка. Пск., Максимов, 1957 [СРНГ 45: 134].

Неудобопроизносимость заголовочной записи не заставила составителя статьи усомниться в реальности слова. См., однако, «Троёнка (...). 2. Небольшая промысловая лодка. Пск., 1912–1914 (...)» [СРНГ 45: 109].

2. Трóхи, нареч. (...) 2. Непродолжительное время, недолго. (...) *Дай трохи соли*. Одесск. (...) [СРНГ 45: 139].

Юмористический момент составителем статьи явно не предусмотрен. Возможно, из неё выпала какая-то её часть.

Тупорн, нареч. Тогда, в то время. Катанг. Иркут., 1981 [СРНГ 45: 259].

Неверно прочитана запись наречия *tupori* или *tupory* то же [Там же].

Тушанёнок, м. (мн. тушанýта). Птенец. (...) [СРНГ 45: 307].

См. комментарий к статье **Тáшки** — [Журавлëв 1995–2023, 15].

Тыс, м. Площадка, на которой молотят, ток. Вышневол. Калин., 1938 [СРНГ 45: 340].

Очевиднейший *lapsus legendi*. Жертвою пало короткое и подверженное опасностям рукописное слово *ток*: небрежно написанная, может быть, даже не замкнутая в кольцо буква *o*, соединённая с вертикальным штрихом следующей буквы, прочитана как *ы*, а правый остаток буквы *k*, начертанный в один штрих, воспринят как *c*.

Дополнения к статьям 1–14 (СРНГ 1–43)

Бабáтка (...). || Поплавок на рыболовных снастях. Оренб., Даль [СРНГ 2: 16].

Более точной видится форма *бабáшка* ‘поплавок (...)', показанная на следующей странице словаря и сопровождённая более широкими географическими пометами. Паспортизация «Даль» не всегда, по моим наблюдениям, гарантирует достоверность вокабул, полученных лексикографом из вторых рук.

Балжаш, а, м. [удар.?]. Шутник, озорник. Черепов. Новг., 1893 [СРНГ 2: 82].

(i) Неверное прочтение *ж* на месте правильного *м*. Ср. рядом, на следующей же странице разбираемого словаря: «**Балмáжь**, и, жс. *Собир*. Несерьезная, хулиганская публика на гулянье. Белозер. Новг., 1926», «**Бáлмош**, а, м. 1. Взбалмошный, сумасбродный человек; сумасброд. Пощех. Яросл., 1849. Ржев. Твер., Вят. || Озорник, шалун. Черепов. Новг., 1926. 2. Глупый человек, делающий что-либо не подумав, с налета. Яросл., 1918. 3. Блажь, дурь. Пск., 1858»; «**Балмошь**, и, м. и ж. 1. (...) Дурь, блажь, глупость, сумасбродство. Ржев. Твер., 1853. Пск., Осташк. Твер., Холмог. Арх. (...) 2. Самодур, сумасброд. Черепов. Новг., Барнаул.»; «**Балмыш**, а, м. [удар.?]. Шалун. Черепов. Новг., 1904» (заметим частоту череповецких регистраций).

(ii) Нет уверенности, что приведённые графические заголовочные формы — с исходами **-ш**, **-шь**, **-жь** — аккуратно соотнесены с правилами написания шипящих в конце форм именительного единственного в мужском и женском роде (применяемыми в литературном письме). Во всяком случае запись «...шь, и, м.», которая имени в мужском роде рекомендует графический и словоизменительный показатели женского, сильно режет глаз.

Дíдедь [?] (...). [СРНГ 8: 53].

Сомнительность этой формы, отнесённой к диалектной фитонимии (‘дудник лесной, из зонтичных’ и ‘щавель воробыиный, из гречишных’), отмечена, вслед за Далем, и в самом анализируемом словаре, но не показан возможный источник неверного чтения. С достаточно высокой надёжностью его можно усматривать в соседней форме 1. **Дíдель**, кото-

рою передаётся около десятка фитонимических значений (далее также *дидельё*, *дидилéк*, *дидили* мн., *дидилька*, *дидильник*, *дидили* — по большей части из зонтичных; далее *дягиль* и проч.). Но если очень легко зрительно смешать некурсивные *п е ч а т н ы е* литеры *л* и *д* (при невозможности их смешения на письме), то какими нерукописными материалами, в которые просочилась такая подмена, мог пользоваться усомнившийся Даль?

Забабáтка, и, жс. Удар по голове. Влад., 1905–1921 [СРНГ 9: 239].

Вероятно ошибочное прочтение *м* на месте более уместного *иши* (*забабашка): ср. форму влад. *забабáха* ‘затрецина, оплеуха’ (из записей С. П. Микуцкого) [Там же].

Забабйтка (...) [Там же].

Толкование, место и время записи диалектного слова совершенно совпадают с данными, касающимися предыдущего случая, — «Удар по голове. Влад., 1905–1921». Но сомнений относительно точности воспроизведённой формы ещё больше.

Мам, вы, жс. Мать, мама. *A мам-то хотела прийти, али нет?* Волог., 1902 [СРНГ 17: 53].

Помещение той или иной формы в заголовочную словарную позицию основывается, по принятым лексикографическим условиям, на признании её грамматически самостоятельной единицей. В настоящем случае очевидна (или, мягче, более чем вероятна) синкопическая, то есть чисто речевая природа описываемой заголовочной формы (которую не следует путать с вокативом *Mam!*). Никакой необходимости в её отдельном лексикографическом описании нет. Тем неожиданнее снажжение комментируемой формы парадигматическим ярлычком «(-ы)», место которому — после формы **Мама**, описываемой, естественно, в другой словарной статье. Разумеется, это всего лишь мелкий технологический недосмотр, но в обсуждаемом академическом издании таких небрежностей многовато.

Мороокенка, и, жс. [удар.?]. Мех темной белки, обработанный под светлый и продаваемый за мех высшего качества. Сиб., Черепанов [СРНГ 18: 274].

Удивительно, что у этой словарной статьи тот же составитель, что и у статьи пятью страницами раньше — **Морóженка** («2. Ж. Шкурка темной

белки, мездра которой выморожена и побелела от мороза; продавалась за белую (высшего качества). Вост.-Сиб., 1854. Енис., Сиб.»). В комментарии нет необходимости. Испорченная вокабула *мороокенка* помещена и в [Инверсионный индекс 2000: 34].

1. Мык, а и у, м. [Знач.?] *Его водка сгубила. Он с водки такой: валерьянку пил, идиkalon, слабительно. Такой мык хватил — удержать нельзя.* Кот. Том., Краснояр., Браславец, 1959 [СРНГ 19: 51].

Более чем вероятно, что ошибочно прочитана запись отлагольной формы *глык ‘глоток, порция выпитого’. Ср. глыкать ‘пить что-либо, громко глотая’: *Не глыкай, пьяница така* [СРНГ 6: 225] (только уральская регистрация, но глагол известен гораздо шире, см., например, Словарь донского казачества: 108; Словарь семейских: 99; Журавлёв 2004: 387).

Пéрвot. Пéрвot день. Первый день. *Первот день гуляли у них на Сосновце, назавтра из своей деревни всех сам собирал.* Красновишер. Перм., 1968 [СРНГ 26: 13].

Нераспознанная постпозитивная частица (или «псевдоартиль», см. [Касаткина 2008: 28]) -от (/ -то, -те и проч.), будучи предметом морфологии и синтаксиса, здесь трактована как словообразовательная морфема. Тем самым порождена фантомная лексическая единица (не-реальность которой оказывается в отсутствии при заголовке каких-либо грамматических характеристик, предусмотренных устройством словарной статьи).

Поросятёнок, м. Поросенок. *Бабушка Аксинья несла.. стегно поросятенка* (приговор). Астрах., Зеленин [СРНГ 30: 80].

В заголовке не *поросятёнок ли всё же? Реконструкция формы иминительного падежа осторожна, но взятая орфограмма (*é* с обозначением подударности звука) искажает реальную фонетику слова.

Прыгутa, м. и ж. Прыгун, плясун; то же, что прыгуха. Пск., Твер. Даль [СРНГ 33: 71].

В словаре Даля, на который сослался составитель статьи, такого слова нет. Несомненно, ошибочно прочитана ручная выписка *прыгúша* (см. [Даль₃ III: 1389]).

Смитник, м. Смешанный лес. Пинеж. Арх., 1959 [СРНГ 39: 21].

С немалой вероятностью можно думать, что за рукописную букву *m* принятая реальная *иши*. Ср. арханг. (верхнетоемск., пинеж.) *смешник* ‘смешанный лес’ [СРНГ 39: 13]. Однако смущает неединичность регистраций (или графических воспроизведений) форм(ы) с этимологически не оправдываемым знаком *m*: *смётник* — ‘смешанный лес’, ‘древа из смешанных пород деревьев’, ‘смесь разных ягод, грибов и т. п.’ [СРНГ 38: 371] (в эту статью по ошибке включено и *смётник* ‘место для сора, отбросов’ — к *-*mētati*).

Литература

- Аникин 2000 — *A. E. Аникин*. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000.
- Анненков 1878 — *H. Анненков*. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. Новое исправленное, пополненное и расширенное издание. СПб., 1878.
- Архангельский словарь — Архангельский областной словарь. М., 1980—. Т. 1—.
- Борисова 2004–2005 — *O. Г. Борисова*. Словарь кубанских говоров: проект. Материалы к словарю. Краснодар, 2004–2005.
- Брянский словарь — Брянский областной словарь. Изд. второе, испр. и доп. Брянск, 2011.
- Даль₂ — *B. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882. Т. I–IV.
- Даль₃ — *B. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903–1909. Т. I–IV.
- Добровольский — *B. Н. Добровольский*. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Журавлëв 1982 — *A. Ф. Журавлëв*. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 45–109.
- Журавлëв 1995–2023 — *A. Ф. Журавлëв*. Лексикографические фантомы. 1. СРНГ, A–З // *Dialectologia slavica*. Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна. [Исследования по славянской диалектологии. 4.] М., 1995. С. 183–193; 2. СРНГ, И–К // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. 1. С. 93–104; 3. СРНГ, Л–М // Слово во времени и пространстве (К 60-летию профессора В. М. Мокиенко). СПб., 2000. С. 265–282; 4. СРНГ, Н–О // Исследования по славянской диалектологии. М., 2001. [Вып.] 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. С. 265–281; 5. СРНГ, О–П // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 382–389; 6. Словарь русских народных говоров, П // Известия Уральского

- государственного университета. 20. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. История, филология, искусствоведение. С. 172–178; 7. СРНГ, *П* // Исследования по славянской диалектологии. М., 2002. [Вып.] 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. С. 120–131; 8. СРНГ, *П* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2014. [Вып.] III. Диалектология. С. 168–187; 9. СРНГ, *Р* // *Palaeoslavica*. 2012. Vol. XX. N 1. P. 261–276; 10. СРНГ, *Б–Р* (дополнение к предыдущему) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2017. [Вып.] XII. Диалектология. С. 159–175; 11. СРНГ, *С* // *Palaeoslavica*. 2019. Vol. XXVII. N 1. P. 241–260; 12. СРНГ, *С* // *Palaeoslavica*. 2022. Vol. XXX. N 1/2. P. 66–83; 13. СРНГ, *Б–П* (дополнения) // Слово и человек: к 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого. М., 2023. С. 123–135; 14. СРНГ, *С* [в печати].
- Журавлёв 2004 — А. Ф. Журавлёв. Материалы к жиздринскому словарю // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 2004. Т. II (VIII). С. 378–429.
- Журавлёв 2016 — А. Ф. Журавлёв. *Новый*: от местоимения к местоимению // А. Ф. Журавлёв. Эволюции смыслов. М., 2016. С. 183–191.
- Зализняк — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
- Инверсионный индекс 2000 — Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров / сост. Ф. П. Сороколетов, Р. В. Одеков. СПб., 2000.
- Касаткина 2008 — Р. Ф. Касаткина. Ещё раз о статусе изменяемой частицы *-то* в севернорусских говорах // Исследования по славянской диалектологии. М., 2008. [Вып.] 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). С. 18–30.
- Куликовский — Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Миртов — А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков [Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. № 58. Н.-И. институт изучения местной экономики и культуры при Северо-Кавказском государственном университете. Вып. 6]. Ростов-на-Дону, 1929.
- Новосибирский словарь — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- Подвысоцкий 2009 — А. О. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. М., 2009.
- Преображенский₂ 1853 — А. Преображенский. Приход Станиловский на Сити Ярославской губернии Мологского уезда // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1853. Вып. 1. С. 125–173.
- Рамстедт 1957 — Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957.
- Словарь донского казачества — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

- Словарь Приамурья — Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- Словарь семейских — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Но-
восибирск, 1999.
- Словарь Среднего Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск,
1964–1988. Т. I–VII.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–1966. Т. 1, 2; Л., СПб.,
1968–. Т. 3–.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л., 1950–
1965.
- Фасмер — *M. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973.
Т. I–IV.
- Karłowicz — *J. Karłowicz*. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. I–VI.
- Warsz. — *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiecki*. Słownik języka polskiego. Warszawa,
1952. Т. I–VIII. [Wydanie fotooffsetowe.]

Summary

Anatoly F. Zhuravlev
(Moscow)

Lexicographic phantoms. 15. СРНГ, Т

The proposed series of notes on dubious, from the author's point of view, header forms (usually gapax) in the consolidated dialect dictionary of the Russian language is a continuation of previous publications on the same topic, where the nature of observations and put forward interpretations is explained.

Keywords: dialect lexicography, consolidated dialect dictionary of the Russian language, hapax